

УДК 94

ББК 63.3(0)-2

Н. В. Кольцова

**Образ Советской России в представлениях монголов
на этапе становления советско-монгольских торгово-
экономических и политических связей***

N. V. Koltsova

**The Image of Soviet Russia in Mongolia at the Stage of the
Establishment of Mongolia-Soviet Russia Trade, Economic
and Political Relations**

Рассматривается период укрепления политическо-го влияния Советской России в Монголии на фоне возрождения торгово-экономических связей и восстановления экономических позиций на монгольском рынке. Публикация ставит целью показать образ Советской России в представлениях монголов, отношение к новой власти, советской кооперации, пришедшей на смену русскому купеческому капиталу. Акцентируется внимание на том, что политические события в России не смогли полностью приостановить развитие русско-монгольских торговых и прочих деловых связей. Начальный период деятельности советских торгово-заготовительных организаций в Монголии связан с рядом препятствий, обусловленных противоречивостью политики монгольских властей и недоверием со стороны монгольского населения, систематической агитацией его со стороны иностранных конкурентов. Это во многом сказывалось и на представлениях монголов о Советской России, о целях и задачах ее политики, находило отражение и в характере социокультурного взаимодействия. На основе анализа малоизвестных архивных материалов дается характеристика взаимоотношений представителей советских политических и торгово-экономических структур с монгольским населением, рассматриваются методы и политика советского руководства по формированию имиджа страны в сопредельном регионе, показана трансформация образа Советской России в монгольском мире.

Ключевые слова: образ, Советская Россия, Внешняя Монголия, торгово-экономические связи, сибирская кооперация.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-33

Революция 1917 г., Гражданская война сильно ослабили престиж России в Центральной Азии. Это открыло перед Китаем возможность экономического и политического наступления на Монголию, что, конечно, еще больше осложнило положение русской торговли в стране. Борьба китайских и русских тор-

In the article the author analyzes the period of growing of Soviet Russia political influence in Mongolia due to the revival of trade and economic relations and the regaining ground in the Mongolian market. The publication is aimed to show the image of Soviet Russia in Mongolia, the attitude towards new authorities, the Soviet cooperative system which superseded the Russian merchant capital. The author focuses on the fact that the development of Russia-Mongolia trade and other business relations could not be suspended because of political events in Russia due to frontier trade, the Siberian cooperative societies and their branches in Mongolia. The initial period of the Soviet trade organizations activity in Mongolia was accompanied by a number of obstacles connected with the contradictory policy of the Mongolian authorities and distrust of the Mongolian population which was subjected to continual propaganda against new authorities spread by foreign competitors (including the Chinese competitors). It had an impact on the image of Soviet Russia and its policy in Mongolia, on the social and cultural interaction. Based on the analysis of little-known archival documents, the article describes the relations between the Soviet political, economic and trade structures and the Mongolian population, touches upon the Soviet policy to create its image in the neighbouring region, the transformation of the image of Soviet Russia in Mongolia.

Key words: image, Soviet Russia, Outer Mongolia, trade and economic relations, the Siberian cooperation.

говцев за монгольский рынок являлась традиционной на протяжении многих лет. Появление первых представителей советских хозяйственных торгово-заготовительных организаций после долгого отсутствия русских на монгольском рынке было встречено неоднозначно.

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 12-31-09012 «Центральноазиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность».

По свидетельству И. М. Майского, автора известной работы «Современная Монголия», представляющей собой основательный отчет о деятельности экспедиции Всероссийского центрального союза потребительских обществ (Центросоюза), «внешняя обстановка, в которой экспедиции приходилось совершать работу, была крайне неблагоприятна. В 1919–20-е гг. «престиж» русского имени в Автономной Монголии упал до нуля и это, конечно, сильно отражалось на отношении монголов и китайцев к русским. Те времена, когда русским путешественникам (например, полковнику П. К. Козлову) чуть не в каждом хошуне устраивались торжественная встреча, ставились специальные юрты, кололись десятки баранов и вообще оказывались всяческие знаки внимания, давно ушли. Нам приходилось ехать по стране, если не враждебно, то, во всяком случае, в недружественно настроенной и, рассчитывать все время только на себя. О какой-либо помощи со стороны монгольских властей не могло быть и речи — хорошо, если встречалось просто корректное отношение, да и это имело место не всегда» [1, с. 4].

При значительном экономическом и политическом влиянии со стороны Китая среди монголов господствовало мнение, что Россия не может выступить в качестве сильного в торговом отношении партнера, следовательно, ни о какой политической и военной помощи от неё не могло быть и речи. В торговых отчетах советских хозорганов отмечалось, что «Монголия была и оставалась лакомым куском для китайцев и их колонизаторские стремления очевидны... С точки зрения монгола — силён тот, кто торгует, кто располагает торговыми ценностями, и купец трактуется как большой начальник, как сила политическая» [2, л. 183об.].

Вместе с тем, как отмечал заведующий Алтайским отделением Всероссийского текстильного синдиката (далее ВТС) Ю. Г. Лукьянов, «отношение к нам как представителям советского торгового госоргана — повсюду очень хорошее» [3, л. 659об.]. Вследствие переговоров, встреч и бесед представителей советских торговых агентств с монгольскими властями, стало очевидно, что «возобновление торговли с Россией — острый и насущный вопрос для монголов и что лишь со стороны России ждут роль противовеса китайскому захватническому натиску» [2, л. 183об.]. Следовательно, со стороны Советского Союза необходимо было подтвердить на деле обещания о восстановлении с Монголией торговых взаимоотношений.

Интересны, на наш взгляд методы и тактика политики советских торговых агентств, в основе которых лежало стремление учитывать специфику региона, быта, нравов и обычаев монгольского населения, с которым предстояло работать.

Многие торгово-заготовительные организации, представители сибирской кооперации кадры служа-

щих, особенно штаты монгольских отделений составляли из лиц, знающих монгольский язык, обычаи монголов и имеющих опыт работы в Монголии. «Они (кадры. — *Н. К.*), — отмечалось в отчетных материалах сибирских торговых организаций, — должны быть выбраны исключительно из лиц, хорошо знающих Монголию, монголов и их язык, с незапятнанным прошлым и могущих пользоваться безусловным доверием, как русского населения, так и туземных властей. Таких людей в настоящее время можно найти среди русских колонистов в различных пунктах Монголии и Забайкалья» [4, л. 26об.]. Даже устройство отделений в Монголии предполагалось осуществлять по типу русских факторий.

Характерным явлением на этапе установления советско-монгольских связей являлась целенаправленная агитация монгольского населения со стороны иностранных конкурентов против советской кооперации. В отчетах о деятельности Сибгосторга, крупнейшей советской торгово-заготовительной организации на монгольском рынке в начале 20-х гг. XX в., мы находим множество свидетельств подобной практики. Зачастую в провокациях против советских торговых агентов участвовали и русские колонисты. «Русские колонисты, а вместе с ними и китайцы, приехавшую в Монголию нашу агентуру (Сибгосторг. — *Н. К.*) объявили, прежде всего ...разведкой Красной Армии» [5, л. 4об.]. Результатом такой политики явилось подозрительное отношение монголов к советским торговым агентствам. «Монгол — дикарь. Верит всяким нелепым слухам и рассказам, в особенности, если он их слышит из уст людей, которых много лет знает и которых привык бояться. Естественно, что он к нашим палаткам боялся подойти на пушечный выстрел, и потребовалось значительное время, чтобы разуверить его в нелепости разных слухов. Каждый же день заготовок, в мае месяце, когда прибыли наши товары и когда монголы уже начали перекочевывать к белкам, имел чрезвычайное значение» [5, л. 4об.]. Китайцы действовали и через монголов. Так, в Намирском районе монгольские князья: Бадза-Лын и Барда-Тарга объявили населению, что «Госторг — это передовые отряды Красной Армии и у того, кто будет продавать Госторгу скот или покупать у него товар, все имущество будет конфисковано» [5, л. 4об.].

По мере продвижения сибирской кооперации в торгово-заготовительном отношении в Монголии отношение монголов к советским представительствам изменилось в лучшую сторону. «Постепенно, с прибытием больших количеств товаров, завязыванием отдельных отношений с монголами, стену недоверия удалось пробить почти повсеместно, в одно и то же время... Госторг завоевал прекрасное к себе отношение со стороны всех слоев монгольского населения» [6, л. 15об. — 16].

Важным фактором перелома во взглядах монгольского населения в отношении Советской России являлась трансформация методов и организационных форм ведения торговых операций в Монголии в сторону «цивилизованных», выразившихся в использовании двух факторов: «платежа полным рублем за продукцию монгола и честным отношением к нему» [5, л. 16]. Так, в ряде отчетов Сибгосторга подчеркивается, что «с целью завоевания доверия населения, мы предполагаем применить совершенно иные методы работы, от практиковавшихся в старое довоенное время, бывшими купцами, занимавшимися обиранием населения. На этот предмет нам даны определенные указания. Нашему аппарату, уехавшему для работы в Монголии, даны указания в том смысле, что товарообменные операции должны вестись честным путем без всяких обманов, обмеров, обвесов и т. д., за чем будет вестись строгое наблюдение на местах работы» [5, л. 30б.]. Прежние приемы русских купцов, «когда они покупали хорошего монгольского быка, давая за него столько ситцу, сколько бы имел в длину от рог до начала хвоста и, когда монгол просил «хорошего» русского купца добавить ему материалу хотя бы еще на полхвоста, эти приемы и времена отошли в область предания. Монгол получал за продукцию столько товара, что даже иногда удивлялся, почему ему так много дают» [5, л. 16].

Последовательно соблюдался пункт 7-й «Инструкции о задачах и методах работы в Монголии» Госторга, согласно которому необходимым было изучение характера монгола и учет его особенностей [5, л. 16]. Советские торговые органы даже при определении состава экспортируемых в Монголию товаров учитывали вкусы и предпочтения монгольского населения, полагая, что форма, цвет и упаковка товара также влияют на его спрос и доверительное отношение к организациям, экспортирующим их. Так, например, доставленные первоначально в Монголию русские чаи брались населением очень слабо, поскольку привычка монголов даже к внешнему виду постоянно употребляемого им предмета имела значение. В силу чего довольно трудно было приучить население брать один и тот же товар, одного качества, но разной формы. Постепенно, зеленые чаи русской прессовки начали завоевывать монгольский рынок. Китайские фирмы, естественно, «вели против этого чая усиленную агитацию... вроде того, что от русского чая «болит живот» и т. д. [5, л. 12]. Среди мануфактуры пользовалась хорошим спросом та, которая имела специальный киргизский рисунок (так называемая глазастая). Мануфактура с большим процентом желтых и красных молексинов, не имела популярности среди основной массы монголов, поскольку это цвета специальные, которые могли носить только ламы, т. е. монгольское духовенство [6, л. 120б.].

Такая политика, ориентированная на учет специфики, обычаев и традиционной составляющей монгольского общества, дала чрезвычайно быстрые и положительные результаты. Ее итогом стала трансформация отношения к советским торговым органам, представителям советской кооперации — как к организациям, внушающим доверие. По словам заведующего Отделом монгольских операций Сибгосторга Поспелова, «факт хорошего отношения к нам мною проверен лично, посредством весьма многочисленных расспросов монгол, начиная с низов населения и кончая высшими сановниками и ламами. Очень часто при разговорах монголы сами, без всякого повода с моей стороны, давали хорошие отзывы о Госторге» [6, л. 16.].

Отношение к советским торговым организациям со стороны монгольского населения было более предпочтительным, нежели к китайским купцам и фирмам. Резкое неприятие последних объяснялось жесткой политикой со стороны китайских чиновников в отношении монгольского населения, у которого забирались все, что имело какую-либо ценность. «Поэтому вполне понятна та ненависть и та боязнь опять попасть в лапы китайцев, которая наблюдается среди монгол. Ненависть эта вылилась в свое время в 1912 и 1921 г., в разгроме монголами города Кобдо, когда были, что называется, стерты с лица земли все китайцы и их фирмы, находившиеся в г. Кобдо. В настоящее время от Кобдо и славившейся там сильной китайской крепостью, окруженной глинобитными стенами, остались одни жалкие развалины» [5, л. 5]. Необходимо отметить, что именно в Кобдоском районе деятельность советских торгово-заготовительных организаций имела наиболее благоприятные условия и перспективы.

Первая половина 20-х гг. XX в. — важный этап в установлении новых межгосударственных отношений, в восстановлении позиций России в Монголии в первые годы существования советской власти. Для Советской России Монголия была необходима не только с точки зрения реализации торгово-экономических интересов, но и как союзник в международных делах в Азии, а также в качестве буферного государства, разделявшее Советское государство с Китаем. Исходя из этого установление престижа Советской России в монгольском обществе, создание образа союзника, авторитета сильной власти — являлось приоритетной целью в числе многих задач монгольской политики нового руководства. «По упрочении взаимного доверия и налаживании нормальных дружественных отношений с местными властями, ...путем искусной агитации, как среди масс, так и влиятельных княжеских кругах, агенты советского правительства укрепляют веру Монголии в великую Россию и готовность поддержать ее национальные стремления. Они знакомят монголов с современными социальными принципами, применяясь к условиям их кочевого быта» [4, л. 26].

В письме наркома иностранных дел Г. В. Чичерина секретарю ЦК РКП (б) В. М. Молотову давались указания относительно действий частей Красной армии на территории Монголии в процессе ее освобождения от белогвардейских банд. В частности, отмечалось, что при вторжении на монгольскую территорию следует с особым вниманием относиться к нравам, быту и взглядам монгольского населения, «ни в чем не оскорблять ни их национального чувства, ни их религии и суеверий, в особенности бережно относясь к буддийским храмам» [7, л. 11–11об.]. Важное значение Наркомат иностранных дел придавал уважительному отношению к традиционным религиозным верованиям монголов, поскольку грабежи и осквернения буддистских храмов и святынь зачастую приводили к тому, что монголы массами переходили на сторону белогвардейского барона Унгерна [7, л. 11об.]. «Нужно помнить, — подчеркивал Г. В. Чичерин, — что быт народа складывается столетиями и не в нашей воле изменить в несколько месяцев то, что вьелось в плоть и кровь народа. Политработники не должны сами вмешиваться в общественную жизнь страны, сменять старые власти и назначать новые» [8, с. 95].

При продвижении вглубь Монголии части Красной армии должны были являть собой высокий образец настоящих воинов-освободителей.

Рождение новой монгольской государственности в результате революционных событий в Монголии в 1921 г. происходило во многом под влиянием коминтерновской политики и Гражданской войны в России. С точки зрения монгольского революционного ру-

ководства, дальнейшее сохранение независимости и суверенитета в отношениях с Китаем, развитие и закрепление итогов Монгольской народной революции 1921 г. возможно было только путем сближения с Советской Россией. Последнее обстоятельство формировало в монгольской революционной среде устойчивый образ Советской России как политического союзника.

Таким образом, после потери монгольского рынка в результате революционных событий Советская Россия постепенно начала восстанавливать политические и экономические позиции в Монголии. Взаимоотношения монголов с представителями советской власти, торговых агентур во многом зависели от китайских чиновников, купцов или от тех и других, действовавших сообща. Образ Советской России и отношение к ней были неоднозначными и претерпели определенную эволюцию. Монгольская традиционная элита в лице высшей духовной знати во многом действовала под давлением китайских властей. Монгольское же население, традиционно тянулось к русским, к России, и неважно, кто в новых условиях ее представлял. Заинтересованные в расширении торговых контактов с Россией монголы проявляли в отношении к советским политическим и торговым органам доброжелательность, доверительность и радушие, сострадание и взаимовыручку и т. д. Нарождающаяся монгольская революционная элита, исходя из задач революционной целесообразности, видела в Советской России основного союзника в вопросах национального освобождения и определения международно-правового статуса.

Библиографический список

1. Майский И. М. Современная Монголия: отчет монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Центросоюза потребительских обществ «Центросоюз». — Иркутск, 1921.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. Р. 10. — Оп. 1. — Д. 896.
3. ГААК. — Ф. Р. 10. — Оп. 1. — Д. 181.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 495. — Оп. 152. — Д. 1.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. Р. 413. — Оп. 3. — Д. 1721.
6. РГАЭ. — Ф. 413. — Оп. 3. — Д. 172.
7. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 163. — Д. 159.
8. Сибирский архив: архивные документы, публикации факты, комментарии / под ред. Н. К. Шестаковой. — Вып. 2. — Иркутск, 2000.